

Гу Инь, глядя на покусанные им самим тонкие губы Линь Цинъю, почувствовал неловкость. Он приник к изголовью кровати, стараясь отвлечься и унять бешеное сердцебиение. Эта ночь выдалась поистине душераздирающей, и лишь теперь у него появилось время обдумать случившееся и понять, что его подставили.

Эти таблетки всегда помогал покупать Ци Юэ, и прежде с ними не было никаких проблем.

Специфический аромат снадобья промелькнул в памяти.

Гу Инь внезапно вспомнил о Чжао Лю.

Когда Ци Юэ вернулся, от него исходил точно такой же запах таблеток из Павильона Закаленного Золота.

Лицо Гу Иня помрачнело, пальцы сжались в кулаки, а в душе вспыхнула ярость, которой он сам от себя не ожидал.

Похоже, просто избегать его недостаточно — куда важнее полностью устранить этого ходячего NPC.

Линь Цинъю, по-видимому, видел кошмар: он внезапно сжался в комок, брови его сошлись на переносице, лицо вновь стало мертвенно-бледным, и он издал невнятный стон.

Бормотание Линь Цинъю отвлекло Гу Иня от мрачных мыслей. Он посмотрел на него с беспомощной улыбкой.

— Может, мне стать твоим наставником? — пробормотал он, понимая, что сегодня ночью тот пострадал из-за него.

Иначе, если бы он сам вышел на завтрашний экзамен, находясь под действием отравы...

От одной мысли об этом Гу Иню хотелось придушить Чжао Лю.

Гу Инь прижал руку Линь Цинъю, подражая тому, как когда-то однокурсники успокаивали детей, и осторожно погладил его по голове, бормоча неловкие и смущающие слова:

— Ничего, ничего, хороший мой, спи спокойно.

Пока он твердил это, мысли его унеслись вдаль. В прошлой жизни Гу Инь был одиночкой. У него были друзья, но он всегда чувствовал, что ему не к кому приткнуться. На людях он вел себя оживленно, но всегда держал дистанцию.

Казалось, в его жизни был только он сам. Он думал, что, возможно, так и умрет в полном одиночестве.

Он никогда никого не утешал такими нежными словами.

Тем временем брови Линь Цинъю разгладились, и он, не разжимая глаз, перехватил руку Гу Иня.

Среди ночи свечи замигали.

Гу Инь, борясь со сном, почувствовал, что веки тяжелеют. Видя, что Линь Цинъю не выпускает его руку, а сам он уже валится с ног от усталости, Гу Инь просто откинул одеяло, примостился рядом и, так и не отняв руки, провалился в сон.

Во сне Линь Цинъю увидел то же самое, что и Гу Инь.

Только с другого ракурса: в его руке был серебряный Меч Тяньшуан, лезвие которого пронзило грудь Гу Иня. Тот не сопротивлялся, и когда он рухнул, Линь Цинъю ощутил невыносимую скорбь.

Внезапно сердце сжалось, словно его придавило чем-то тяжелым. Линь Цинъю с усилием открыл глаза и обнаружил, что чья-то рука намертво прижала его к постели, не давая пошевелиться.

Повернув голову, он увидел спящего рядом Гу Иня с его юным лицом.

В памяти Линь Цинъю мелькнули обрывки видений, где он был тесно связан с Гу Инем. Линь Цинъю потер переносицу, решив, что это лишь старый недуг наваял кошмары.

Взгляд Линь Цинъю постепенно стал холодным, он прищурился и одним пинком сбросил Гу Иня с кровати.

Гу Инь вскрикнул, схватился за ушибленный зад и, еще не до конца проснувшись, рывкнул:

— Кто посмел меня пнуть?!

Тут же он открыл глаза и увидел перед собой разъяренное лицо Линь Цинъю, а на нем — те самые покусанные, слегка припухшие губы.

Вспомнив события ночи, Гу Инь виновато опустил голову, и его щеки залил румянец.

Линь Цинъю знал лишь то, что потерял сознание от болезни. Поняв, что Гу Инь, должно быть, просидел с ним всю ночь, он решил смягчиться и попытался разрядить обстановку, но стоило ему открыть рот, как он поморщился от боли в раненой губе.

Недоумевая, откуда взялась рана, он слегка поджал губы, и лицо его приняло более мягкое выражение:

— Я не люблю, когда кто-то приближается, это ты сам возник рядом.

Гу Инь, если бы не чувство вины, рассмеялся бы — надо же быть таким гордым, как Линь Цинъю! Но увидеть, как тот смягчается и оправдывается, было в новинку.

— Сегодня месячный экзамен, пожалуйста, хозяин, будьте вовремя и не опоздайте, — подала сигнал Цяньлин.

Гу Инь подскочил на месте. Похоже, экзамен ему не пропустить.

Линь Цинъю встал с кровати и, увидев унылое лицо Гу Иня, достал несколько семян духовных

растений, похожих на камешки, и протянул ему.

Гу Инь не понял, зачем это, пока Линь Цинъю не объяснил:

— Сегодня экзамен. Возьми.

Гу Инь принял камешки, чувствуя себя жалким.

Он посмотрел на Линь Цинъю с сочувствием: неужели этот человек сошел с ума?

Но, встретившись с непреклонным взглядом Линь Цинъю, Гу Инь все же спрятал семена.

Линь Цинъю уже вернул себе холодный вид и смотрел на Гу Иня так, словно спрашивал, почему тот до сих пор не ушел.

Выйдя из комнаты, Гу Инь не удержался и обернулся:

— Наставник, если меня выгонят с горы, вы хоть немного будете скучать?

Спросив это, Гу Инь тут же пожалел о своей дерзости.

— Нет.

Холодный ответ прозвучал одновременно с тем, как дверь с грохотом захлопнулась.

Гу Инь пришел в ярость!

Почему нет?! Он еще думал, что если его выгонят, то он не станет убивать Линь Цинъю, а просто придумает другой способ вернуться в академию.

А он столько раз ухаживал за ним, а тот оказался еще холоднее и бессердечнее его самого!

Когда Гу Инь, пылая от негодования, прибежал к главному залу, новоприбывшие ученики уже начали сдачу экзамена под руководством наставников.

Ци Юэ издали увидел, что Гу Инь идет с перекошенным лицом, и решил, что тот переживает из-за экзамена.

Но не успел он подойти, как Чжао Лю преградил Гу Иню путь.

Чжао Лю посмотрел на него сверху вниз, презрительно прищурившись:

— Гу Инь, если станешь моей собакой, я, так уж и быть, тебя защищу. Что скажешь?

Гу Инь ненавидел Чжао Лю всей душой. Хотя сам он не попался в ловушку, но то, что Линь Цинъю случайно принял предназначенное ему зелье, злило его куда сильнее, чем если бы он выпил его сам.

— Проваливай!

Гу Инь даже не удостоил его взглядом, коснувшись пальцами висящего на поясе нефрита — он не знал, может ли этот амулет убивать.

Площадь перед залом была заполнена новичками, которые выстроились в колонны в зависимости от выбранного направления.

Ци Юэ, хотя и не блистал успехами в учебе, невольно позавидовал, глядя на других.

Гу Инь подошел, и Ци Юэ тут же шагнул к нему:

— Брат Гу, не волнуйся, с таблетками из Павильона Закаленного Золота ты точно справишься.

Ци Юэ был красив, а в его лице сквозили невинность и лоск богатого наследника.

Гу Инь ничего не ответил, лишь похлопал его по плечу, и они вместе стали наблюдать за экзаменом.

Впереди стояли четыре длинных стола с табличками: Пик Цинцзин, Пик Даньша, Пик Сюаньгуй и Пик Миньюэ.

На каждом пике изучали свое направление. Сейчас перед Пиком Цинцзин стояла девушка в ледяно-голубых одеждах, покрытых сложными узорами заклятий.

Напротив нее стояли новички, которые по требованию наставницы подняли руки и закрыли глаза, пытаясь превратить желтую бумажную печать в простейший массив Собирания Духовной Энергии.

Ученик, стоявший перед ней, покраснел от натуги. Гу Инь не понимал, что происходит, но его внимание было приковано к принимающей экзамен девушке.

Ее глаза были перевязаны ледяно-голубой лентой. Даже скрытое повязкой лицо выдавало в ней редкую красавицу, а черная руна, начертанная на белом лбу, лишь подчеркивала ее загадочность и строгость, приглушая ослепительную красоту.

Ци Юэ прищурился и со смешком прошептал:

— А я уж думал, брат Гу равнодушен к мирскому, а оказывается, тоже не можешь оторвать глаз от старшей сестры Нин Биньюй.

Гу Инь отвел взгляд, не став оправдываться.

Отбросив странное чувство, он все пытался вспомнить, где уже видел руну на лбу Нин Биньюй.

Под насмешливым взглядом Ци Юэ Гу Инь спросил:

— Раз ее глаза перевязаны, она что, слепая?

<http://bllate.org/book/18807/1829254>